

УДК 821.512.111.09Ижендей

DOI 10.37972/chgpu.2020.109.4.016

¹*И. В. Софронова, ¹Ю. М. Артемьев, ²Ю. Н. Исаев*

ПОЭТИКА МИФА В ПОЭМЕ Н. ИЖЕНДЕЯ «ГОЛОС НЕРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА»

¹*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия*

²*Чувашский республиканский институт образования, г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В научной статье рассматриваются мифологические образы, мотивы, детали, используемые в творчестве чувашского поэта Николая Ижендея (Петрова). Целью работы является определение роли и значения поэтики мифа в поэме «Суралман ача сасси» («Голос нерожденного ребенка»). Посредством поэтики мифа поэт создает новый вариант мифа о происхождении *Арсури* (Лешего), применяет для этого представление народа о добром и злом началах, загробном мире, духах предков, описание обрядов, связанных с рождением ребенка. Нестабильное положение в обществе приводит к разрушению связи между поколениями. На этом фоне автор рассматривает проблему судьбы чувашского языка, будущего нации. Предупреждает нас о возможных трагических последствиях, изображая смерть нерожденного ребенка. Мифологические образы и детали позволили поэту передать специфику смутного, переходного периода развития истории страны и народа. Мифологизм способствует углублению семантического пространства художественного текста, придает трагизм сказанному. Смысловое значение используемых поэтом мифологических образов типично и для других авторов чувашской литературы. В завершение статьи делается вывод о том, что поэт использует поэтику мифа для создания своеобразного художественного мира, для описания актуальных проблем современности.

Ключевые слова: поэма, мифологизм, автор, поэтика, художественный мир, *Арсури* (Леший), Н. Ижендей.

¹*I. V. Sofronova, ¹Yu. M. Artemyev, ²Yu. N. Isaev*

POETICS OF MYTH IN N. IZHENDEY'S POEM "THE VOICE OF THE UNBORN CHILD"

¹*I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia*

²*Chuvash Republican Institute of Education, Cheboksary, Russia*

Abstract. The article considers mythological images, motives, details employed in the works of the Chuvash poet Nikolay Izhendey (Petrov). The aim of the work is to determine the role and significance of the poetics of myth in the poem "Shuralmanachasassi" ("The voice of the unborn child"). Through the poetics of the myth, the poet creates a new version of the myth of the origin of *Arshuri* (wood spirit), bases on the idea of the people of good and evil principles, the afterlife, the spirits of ancestors, the description of the rituals associated with the birth of a child. The unstable situation in society leads to the generation gap. Against this background, the author examines the problem of the fate of the Chuvash language, the future of the nation; warns us against possible tragic consequences by depicting the death of an unborn child. Mythological images and details allowed the poet to convey the specifics of the vague, transitional period in the development of the history of the country and the people. Mythologism contributes to the deepening of the semantic space of the literary text, adds tragedy to what was said. The semantic meaning of the mythological images used by the poet is typical for other authors of the Chuvash literature. At the end of the article, the author concludes that the poet uses the poetics of myth to create a kind of artistic world, to describe the pressing problems of our time.

Keywords: *poem, mythologism, author, poetics, artistic world, image, Arshuri (wood spirit), N. Izhendey.*

Введение. В научной статье впервые анализируется роль и значение мифологических образов и мотивов в поэме Н. Ижендея «Голос нерожденного ребенка». Поэма создана в переходный период истории страны, 90-е годы XX века, передает жизненные и идеологические изменения в сознании простых людей. Для художественных произведений некоторых авторов (В. Степанов, Н. Петровская) данного периода характерна активация мистических, мифологических образов и деталей. В них сочетаются детали чувашского мифа с библейскими, древнегреческими мотивами, пересказывается содержание мифологического предания согласно современным жизненным условиям и идеалам, используется определенный образ или деталь в художественном произведении как символ, создается своеобразный художественный мир.

Целью научной статьи является определение роли и значения поэтики мифа в поэме Н. Ижендея «Голос нерожденного ребенка».

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования вызвана возрастающим интересом к проблемам взаимосвязи поэтики мифа и художественного творчества определенного автора в современном литературоведении. До настоящего времени литературоведы и критики уделяли основное внимание актуальности темы аборта, затронутой в поэме. При этом оставалось без внимания выявление роли поэтики мифологических образов и мотивов, особенностей художественного мира поэмы.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужил текст поэмы Н. Ижендея «Голос нерожденного ребенка», а именно отраженные в ней мотивы, образы народного мифа. В ходе работы мы опирались на научные труды ведущих отечественных и чувашских мифологов, фольклористов и литературоведов, использовали типологический, сопоставительный, социокультурный методы исследования. Структурно-семантический анализ позволил осуществить аналитическое описание элементов мифа в произведении Н. Ижендея.

Результаты исследования и их обсуждение. Николай Петрович Ижендей (Петров) является своеобразным автором, который в художественном творчестве активно использует элементы мифологизма. Они характерны для произведений «Суралман ача саси» («Голос нерожденного ребенка», 1993), «Савра кўлэ хёрринче» («На берегу круглого озера», 2001), «Тёрёллэ сыру тёлёнтермёшессем» («Чудо-вышивка», 2005). По словам автора, в поэме «Голос нерожденного ребенка» он постарался выразить тяготы и смутное состояние 90-х гг. XX века. В произведении на этом фоне также затронуты проблемы судьбы чувашского языка и аборт. Так как основная идея произведения сосредоточена на образе ребенка, в ней не последнее место занимает изображение обрядов, использование текстов словесности, сопровождающих беременность и роды. Сюжет произведения заключается в том, что образ недавно зачатого ребенка начинает разговаривать со своими родителями, рассказчиком, читателем. Но тревожная и нестабильная пора 90-х гг. XX в. вынуждает мать сделать аборт. Согласно чувашской мифологии, душа умершего не своей смертью человека превращается в *Арсури* (Лешего).

На сегодняшний день поэма получила весьма высокую оценку в чувашском литературоведении. Г. А. Ермакова [2], А. Ф. Мышкина [5], Е. Р. Якимова [10] и другие исследователи рассматривают ее художественные особенности, ими уделяется особое внимание проблеме абортов. Однако вопрос выявления значения и роли мифологизма в воплощении художественного замысла автора не был раскрыт в полной мере.

Писатели и поэты используют элементы мифологизма «для выражения своих размышлений, углубления художественного замысла произведения или же для создания

новой реальности» [4, с. 211]. В поэме Н. Ижендея «Голос нерожденного ребенка» мифологические элементы способствуют углублению затронутых в ней проблем: прерывание беременности, судьба родного чувашского языка. Можно сказать, что само произведение интерпретируется как новый миф. «Писатель стремится создать новое предание о современной жизни, но акцент у него падает не на “современную” жизнь, а на выявление определенным образом понимаемых им общечеловеческих начал» [7, с. 309].

Нужно отметить, что использование элементов мифологизма каким-либо автором не всегда является результатом его преднамеренного интереса к этой проблеме или же увлечением каким-либо литературным течением. Элементы мифа живы в чувашском сознании. Они живут в памяти каждого представителя нации, особенно у людей старшего поколения, представителей интеллигенции. Они с малолетства впитали в себя образцы словесности, изучали дисциплину «Чувашское устное народное творчество» в вузах. Сюжеты преданий о леших не забываются и благодаря бессмертной поэме «Арсури» («Леший») М. Федорова. Можно сказать, что миф составляет основу мировоззрения и современного чуваша, тем более это характерно для людей творческого склада ума. Для них «миф не является примером создания “второй реальности”, он выступает в качестве формы мировосприятия героев и автора» [1, с. 478].

В чувашском фольклоре немало преданий об *Арсури*. Согласно одному из них «в Арсури превращаются души людей, которые умерли неестественной смертью...» [9, с. 478]. В *Арсури* превращаются и души младенцев, которых родили незамужние девушки и убили их, чтобы избежать позора. Древний миф, с одной стороны, объясняет происхождение злого духа, с другой – предостерегает молодых девушек от возможных ошибок, совершения греховных поступков. Н. Ижендей создает новый, современный вариант этого мифологического предания. В *Арсури* может превратиться не только душа убитого новорожденного ребенка, но и убитого еще до его рождения (аборт).

Сюжетная линия поэмы связана с преданием о происхождении *Арсури*, в связи с этим в повествование введены соответствующие мотивы и образы, в т. ч. духов. Их традиционно можно разделить на добрых и злых. Добрые духи, образы связаны с обрядами и приметами о рождении ребенка: *сёнё каййак* (новая птица), *кёмёл е ылтән каййак* (золотая или серебряная птица), *вут каййак* (огненная птица), *ачана пехил парасси* (благословение ребенка), *ача кёпи* (околоплодная рубашка, т. е. родиться в рубашке), *тăхăр сыпăкри асаттене асанне* (дедушка и бабушка в девятом поколении). К злым относятся *акар йытти* (пес преисподней), *шуйттан* (черт), *йытă* (собака), *сăхан* (ворон).

Поэма начинается с упоминания о небесных светилах, солнце и луне. В чувашских мифах о луне и солнце прослеживается анималистическое мировоззрение народа. «Древние чуваша воспринимали их как живые существа, наделяли человеческими качествами. В словесности солнце и луна, образуя неразрывную образную пару, олицетворяют тепло и свет. Солнце почитается как один из Верховных Богов, а луна, будучи его младшим братом, тоже является благодетелем и помощником живущих на земле людей» [8, с. 381]. В поэме «Голос нерожденного ребенка» образы солнца и луны выполняют функцию бога. Они первыми узнают о зарождении новой души:

Пёлмест анне те эпё пуррине,
Пёлмест атте те эпё килнине...
Сут уйăх курчĕ: «Кёмёл каййак пуль».
Хёвел йăл кулчĕ: «Ылтән каййак пуль»

[3, с. 77].

Но и отец не знает, даже мать
Пока не догадалась... Есть я все же...
Луна шепнула ласково: «Мальш».
И солнце улыбнулось: «Это ты ли?»

(Перевод Л. Симоновой.)

Светила рады появлению новой жизни на земле, продолжению рода. Также они свидетельствуют о парности в мировоззрении чувашей. Есть доброе и злое, мужское и женское начала. Обозначенные в верхнем мире пары должны как бы повториться и в мире людей – есть отец и мать. Рождение сына составило бы пару и для второго поколения в семье. Но смутное время заставило родителей избавиться от будущего ребенка, тем самым нарушились мир в их семье, равновесие, т. е. гармония.

Новорожденного ребенка чувашаи называют *çĕнĕ кайăк* (новая птица). В зависимости от того, мальчик это или девочка, уточняют: серебряная или золотая. В поэме лирический герой называет себя огненной птицей, говорит, что его душа подобна огню. Он обещает своим огнем очистить мир людей от зла и несправедливости. Слово *кайăк* (птица) в чувашском языке имеет значение птицы, а также диких животных, на которых охотится человек. В мифологическом представлении народа *ача* (ребенок) заменено на *кайăк* (птица) для обмана злых духов, насылающих болезни или смерть на младенцев. Также для их запутывания новорожденным детям давали в качестве имени названия животных, деревьев, птиц.

В поэме не раз встречается образ ласточки. В чувашской мифологии он имеет доброе значение. Так как ласточка вьет гнездо вблизи хозяйственных построек, люди стараются заботиться о ней. Считается, что дом, где эта птица свила гнездо, наполнится счастьем, благополучием. У чувашей ласточка ассоциируется с трудолюбием и идеалом красоты. Не случайно новорожденным девочкам давали имя *Чĕкеç* (Ласточка), *Чĕкеçти* (девчушка, подобная ласточке), желая, чтобы она была трудолюбива и красива, как эта птица. Щебетанье ласточки отличается от пения других птиц. О человеке, который умеет складно и красиво разговаривать, говорят, что у него речь подобна щебетанию ласточки. Новорожденному давали слушать этот щебет, чтобы его речь была приятной и сладкой. Н. Ижендей использует данную деталь и в произведении «Чудо-вышивка». Здесь осиротевшего мальчика Йавашука ласточка учит разговаривать. В поэме «Голос нерожденного ребенка» ласточка олицетворяет чувашский язык. Мать, почувствовав зарождение новой жизни, поет песни, от которых зарождается чувашское начало в душе лирического героя. В конце сюжета его душа возвращается в родные места в образе ласточки, поет песни для родителей и сестры на чувашском языке. Но они, предавшие родной язык забвению, не признают его, не понимают слов его песен.

В чувашской мифологии мир злых духов весьма своеобразен и многолик. На упоминание их имен существует определенное табу. Поэтому в повседневности мы не произносим имена злых духов. В связи с этим автор использует младших представителей злых духов. Они являются исполнителями наказов, воли главных божеств.

Акар йытти – «злой дух, который вместе с духом смерти Эсрелем забирает души людей» [9, с. 78]. По велению своего верховного начальника он насылает ненастье, беду на людей, забирает их души. Имеет устрашающий вид.

Образ собаки, используемый в тексте поэмы, близок по значению к образу пса преисподней. А. К. Салмин в своем исследовании приводит развернутую характеристику значения образа собаки в чувашской мифологии. «Собака является одним из важнейших знаковых персонажей в традиционных представлениях чувашей. Считается, что она имеет непосредственную связь с верховным божеством *Турă*. Она может быть использована в качестве жертвенного дара, служит заменителем духов предков и входит в связь с иным миром» [6, с. 479]. Исследователь также отмечает, что образ собаки используется чувашами и в негативном значении: «Надобно полагать, что нарицательное имя собаки (*ида*, по-татарски *эт*) сделалось у чуваш бранным словом в позднейшее время, из-за подражания татарам; вероятно, что в древние времена это животное считалось если не священным, то по крайней мере и презренным» [6, с. 137]. В поэме «Голос нерожденного ребенка»

эпитет *собачий* применяется для характеристики изображаемого периода истории. Инфляция, тяготы 90-х годов определяются автором как собачье время. Пес преисподней преследует душу нерожденного ребенка после аборта. Он ходит за ним по пятам, хочет растерзать. В том, что его судьба стала несчастной, он обвиняет лихое собачье время 90-х годов. Из-за этого ему пришлось стать *Арсури*, а не родиться мальчиком. Слово «собака» используется как бранное и в поэме К. Иванова «Нарспи». Жена Мигедера использует его при обращении к непослушной дочери и Сетнеру.

Образ черного ворона также связан с миром мертвых, поэтому вводится в повествование в момент изображения смерти лирического героя. Он прилетает, чтобы вырвать его душу. Поведение хищной птицы дает повод олицетворять его со злыми духами. В разговорной речи слово *çăхан* используется и как бранное слово.

В поэме использован образ *хăлаюнах туха* (буланный / саврасый стригунок, жеребенок). В народной сказке «Хăрхăмпа Пике» («Красавица и Хырхым») братья наказывают Хырхым за обман – она выдавала себя за их сестру. Они привязывают ее к хвосту саврасого жеребенка. Вероятно, у кочевых народов такой способ наказания считался самым страшным. Лирический герой поэмы «Голос нерожденного ребенка» боится, что злые духи могут поступить с ним таким же образом.

Для поэмы характерно изображение параллельных миров: реальный мир людей, предков, злых духов. В реальном мире живут мать, отец, сестра Таня и лирический герой. В произведении даны некоторые признаки этого мира: борьба за людские права, упоминание о выборных бюллетенях, пренебрежительное отношение к языкам и культуре нерусских народов, задержка зарплаты рабочим, выезд чувашей за пределы республики на заработки и т. п. Автор выражает недовольство существующим политическим строем, осуждает недостатки общества. Он критикует такую черту национального характера, как терпимость. В тексте не раз проскальзывает эпитет *чăваш – йăваш* (чуваш – кроткий, тихий, смирный и спокойный). В то время когда нужно брать борозды правления в свои руки, чуваш довольствуется малым, он остается дома и бездействует. Лирический герой советует отцу вспомнить об опыте торговых отношений у далеких прадедов и использовать его, чтобы выжить в нелегкое время.

Людской мир наполнен представителями злых духов. Из-за них разгулялась инфляция, ущемляются права человека. В жизни людей проделки *шуйттана* и *акар йытти* проявляются как социальные трудности, уничтожение доброго начала, чувашского языка.

Мир предков представлен через образы прадеда и прабабушки в девятом поколении. Они оберегают своих потомков и помогают им, передают недавно зачатому ребенку разум, силу поколений, осуждают поведение его родителей. Они готовы оберегать младенца в людском мире после рождения. Однако им приходится заботиться о нем в мире мертвых, став липой в поле, т. е. матерью, и дубом в лесу, т. е. отцом. В данном случае проявляется тотемическое представление народа о превращении духов умерших в растения, деревья. Лирический герой находит понимание и поддержку у далеких предков, но у него нет взаимопонимания с родителями. Разрушена гармония в отношениях между поколениями. Так, «желание иметь детей связано с желанием продолжить род. Чуваши верили в продолжение жизни на том свете. Душам родителей, ушедшим в иной мир, нужна помощь со стороны живых потомков. Те, кто не имеет детей, на том свете будут мучиться без поддержки и символического кормления» [9, с. 194]. Родители, убив нерожденного ребенка, лишают себя покоя на том свете. Не только душа сына, но и их собственная может превратиться в *Арсури*. Виной всему является разгул сил зла в данный переходный период, когда сегодняшний день становится важнее, чем размышления о дальнейшей судьбе души в загробном мире.

Лирический герой постоянно разговаривает с родителями. В начале повествования он хочет, чтобы его заметили, чтобы они почувствовали, что он здоровый и умный малыш. Он слушает взрослых, пытается утешить их, просит, чтобы его душу не отдавали злым духам, однако его голос никто не слышит. После аборта голос нерожденного ребенка так же не достигает адресата, он становится неслышимым, неосязаемым и невидимым. Автор приводит представление народа о том, что происходит с душой человека после смерти: она превращается в ветер, филина, ласточку, траву, ветку, ягоду. Душа лирического героя хочет привлечь к себе внимание, обращается к родным на чувашском языке, однако остается неуслышанной и непонятой, так как они позабыли родной язык.

В рассуждениях лирического героя не раз упоминается образ Мирового Древа, родового дерева. Из-за жизненных тягот он видится ему болезненным, с сухими ветками. Такое дерево больше характеризует отца, который опускает руки перед трудностями, готов погубить будущее своего рода. Рождение сына исцелило бы родовое дерево. В данном случае проявляется представление народа о патриархате. Фамилия, кровь рода передаются по мужской линии. С убийством нерожденного ребенка рушится не только жизнь одной семьи, но и всего чувашского мира. Так, родители, чтобы избежать насмешек со стороны других детей в садике, намеренно отказываются от родного языка, начинают учить дочь «благородному» языку. Судьбы нерожденного ребенка и родного языка в поэме идентичны. Автор выбирает трагическую развязку сюжета. Получается, что в смутное время 90-х годов ни новое поколение, ни родной язык становятся ненужными. Оба они как бы превращаются в *Арсури*.

Н. Ижендей использует элементы мифологии и при построении композиции произведения. Так, поэма состоит из десяти частей. Для их названия поэт использует сакральные числа: первая неделя, третья неделя, девятая неделя... В каждой части, в зависимости от названия, описываются особенности, которые характеризуют рост плода в данный период: он начинает ощущать себя ребенком, начинает шевелиться, кувырывается, сосет палец... Повествование прерывается на «Двенадцатой неделе». Вначале номера чисел даны скачкообразно: один, три и сразу семь. После седьмой недели художественное время замедляется: перечисляются все числа до двенадцати. Для этих частей поэмы характерно размышление лирического героя о добре и зле, предназначении, судьбе родного языка, обстановке в стране. Его монолог обращен к родителям, сестренке, поэту, предкам. Произведение завершается монологом новоявленного *Арсури*, который вернулся к родным. Согласно представлениям чувашей душа человека до трех лет может навещать своих родственников. Чтобы его определили в Рай, нужно устраивать поминки, зажигать свечку. Особенно в день годовщины. После указанного периода она находит или вечный покой, или, как в данном случае, вечное скитание: нерожденного ребенка убили насильственно, кроме того, не поминают его душу. Если в начале повествования используются обряды, связанные с рождением ребенка, то в конце – с похоронами, представлением о загробном мире.

Выводы. В поэме Н. Ижендея «Голос нерожденного ребенка» через мифологические образы, детали, описание обрядов, связанных с рождением ребенка и похоронами, сакральные числа воспроизведена действительность конца XX века. Мифологические образы и детали стали востребованными для изображения смутного, переходного периода развития истории страны и народа. В произведении образ нерожденного ребенка, духи далеких предков, образы добрых и злых духов воспринимаются как реальные, полноценные действующие лица. Они углубляют семантическое пространство художественного текста, придают трагизм сказанному. Смысловое значение используемых поэтом мифологических образов и деталей типично и для произведений других авторов чувашской литературы. Поэт рассказывает нам новую, современную версию легенды о происхождении *Арсури*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аmineva B. P.* Мифологизм в прозе Ч. Айтматова и современных татарских писателей // *Филология и культура*. – 2013. – № 2(32). – С. 45–51.
2. *Ермакова Г. А.* Надломилась древа жизни ветвь (Поэма Н. Ижендея «Голос нерожденного ребенка» как пространство представления глобальной проблемы человечества) // *Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические* : сб. науч. ст. – Чебоксары, 2015. – С. 54–57.
3. *Ишентей Н. П.* Çуралман ача сасси : поэма. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 1993. – 160 с.
4. *Мелетинский Б. М.* Поэтика мифа. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с.
5. *Мышкина А. Ф., Зайцева Т. И., Емельянова Т. Н.* Проблемы национальной эстетики и литературного творчества в художественном пространстве начала XXI века // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2019. – Т. 12, № 2. – С. 364–367.
6. *Салмин А. К.* Собака в традиционных представлениях чувашей // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2011. – №1(45). – С. 124–128.
7. *Софронова И. В.* Мотивы мифа о божественном ребенке в чувашской детской литературе // *Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи* : мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2016. – С. 245–250.
8. *Чекушкина Е. П.* Паянхи чăваш прозинчи мифологизм паллисем // *Языковые контакты народов Поволжья и Урала: проблемы регионального литературоведения и фольклористики* : мат-лы XI Междунар. симпозиума. – Чебоксары, 2018. – С. 166–171.
9. *Чувашская мифология : этнографический справочник*. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 591 с.
10. *Якимова Е. Р.* Художественный мифологизм в современной чувашской драматургии // *Ашмаринские чтения* : сб. мат-лов XI Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. – С. 133–136.

Статья поступила в редакцию 16.11.2020

REFERENCES

1. *Amineva V. R.* Mifologizm v proze CH. Ajtmatova i sovremennyh tatarskih pisatelej // *Filologiya i kul'tura*. – 2013. – № 2(32). – S. 45–51.
2. *Ermakova G. A.* Nadlomilas' dreva zhizni vetv' (Poema N. Izhendeya «Golos nerozhdennogo rebenka» kak prostranstvo predstavleniya global'noj problemy chelovechestva) // *Problemy kul'tury v sovremennom obrazovanii: global'nye, nacional'nye, regional'no-etnicheskie* : sb. nauch. st. – Cheboksary, 2015. – S. 54–57.
3. *Ishentej N. P.* Çuralman acha sassi : poema. – Shupashkar : Chăvash kĕn. izd-vi, 1993. – 160 s.
4. *Meletinskij B. M.* Poetika mifa. – M. : Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2000. – 407 s.
5. *Myshkina A. F., Zajceva T. I., Emel'yanova T. N.* Problemy nacional'noj estetiki i literaturnogo tvorchestva v hudozhestvennom prostranstve nachala XXI veka // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2019. – Т. 12, № 2. – S. 364–367.
6. *Salmin A. K.* Sobaka v tradicionnyh predstavleniyah chuvashej // *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. – 2011. – №1(45). – S. 124–128.
7. *Sofronova I. V.* Motivy mifa o bozhestvennom rebenke v chuvashskoj detskoj literature // *Mifologiya chuvashej: istoki, evolyuciya i kul'turnye vzaimosvyazi* : mat-ly mezhregion. nauch.-prakt. konf. – Cheboksary, 2016. – S. 245–250.
8. *Chekushkina E. P.* Payanhi chăvash prozinchi mifologizm pallisem // *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala: problemy regional'nogo literaturovedeniya i fol'kloristiki* : mat-ly XI Mezhdunar. simpoziuma. – Cheboksary, 2018. – S. 166–171.
9. *Chuvashskaya mifologiya : etnograficheskij spravochnik*. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2018. – 591 s.
10. *Yakimova E. R.* Hudozhestvennyj mifologizm v sovremennoj chuvashskoj dramaturgii // *Ashmarinskie chteniya* : sb. mat-lov XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2019. – S. 133–136.

The article was contributed on November 16, 2020

Сведения об авторах

Софронова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: muxtar2@yandex.ru

Артемяев Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: yumartemyev@yandex.ru

Исаев Юрий Николаевич – доктор филологических наук, ректор Чувашского республиканского института образования, г. Чебоксары, Россия; e-mail: isaev2828@yandex.ru

Author information

Sofronova, Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Chuvash Philology and Culture, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: muxtar2@yandex.ru

Artemyev, Yury Mikhaylovich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: yumartemyev@yandex.ru

Isaev, Yury Nikolaevich – Doctor of Philology, Rector of the Chuvash Republican Institute of Education, Cheboksary, Russia; e-mail: isaev2828@yandex.ru